

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIV

Buenos Aires, viernes, 12 de marzo de 1982

Буэнос Айрес, пятница, 12 марта 1982 № 1663

Д. ИНОЗЕМОВ

ВОРОТА В МАСОНСТВО

Осторожно!

Вас приглашают на ужин. Какие они все милые! Все известные лица — местные адвокаты, врачи, преуспевающие коммерсанты, авангардные интеллектуалы. Вы польщены.

Обмениваются малораспространяемыми сведениями, находятся в курсе политики, цен на доллар и золото, перемещений в правительстве, новых веяний в искусстве. Занимаются благотворительностью — громко, но особенно себя не утруждая. Все удивительно приятно, и вы чувствуете, что присутствующие вам охотно помогут в любых возникающих затруднениях — даже в сфере вашей деловой жизни. В этой атмосфере все легко, все делается с удовольствием. Благодать-то какая! Вы совершенно очарованы...

Однако нередко международные организации, пользующиеся нашей беспечностью и играющие на нашем тщеславии, скрытой заинтересованности, или просто желая хорошо провести время в приятном и очень приличном обществе. Они далеко не так безбидны как кажутся, а являются вербовочным фильтром для куда менее благовидных целей, и скреплены железной дисциплиной правящих, вернее, *направляющих* кругов.

(Как, например, "Ротари Клуб", или "Лайонс Интернационал". Хотя эти организации и не требуют от своих членов клятвы, они преследуют весьма схожую с масонством цель: они проповедуют доктрину либерализма, влияют на формирование общественного мнения и представляют из себя "братства взаимопомощи" — все под маской благотворительности. Подготовкой каждого из членов этих организаций старательно выведывается и сообщается в находящиеся в США центры — точно так же как сведения о членах марксистских организаций пополняют архивы КГБ в Москве. В связи с этим следует отметить, что глава 489-го участка аргентинского "Ротари Клуба", Луис Бетти, согласно итальянским властям принадлежит к пресловутой масонской ложе "Пропаганда Дуз" (см. "Informaciones sobre la masoneria y otras sociedades secretas", No.1 Buenos Aires, 1981).

Беда в том, что когда доверчивый бон-виван это разглядит, отступать ему бывает поздно и некуда. Да и ступени ведут его постепенно, малозаметно: например, на уровне ритуалов, начиная с легкого полупародирования национальных патриотических церемоний, вроде *за-стольного* подъема флага. Даже в таком нерадостном обряде как панихида, подчеркивается его "условность", для их "высших кругов" бессмысленность, но — "почему бы не при-

существовать, если кому-то это утешение?"

Конечно, православных и католических богослужений они стараются совсем избегать. Если присутствующие этим презрительным снисхождением шокированы, они с готовностью отступят, извинятся. Чтобы в следующий момент опять подпустить яду недоверия и цинизма, не верия в честь, в патриотизм, в высшие побуждения, в христианство мистическое, философское и бытовое. Они "выше всего этого" и охотно помогут вам подняться на первую ступень этого возвышения... Мягко, ненавязчиво, с юмором и снисхождением к вашей "отсталости", но и со смутными обещаниями весьма реальных, близких благ.

Учитывая человеческие слабости и вождения, с помощью доверчивых добрячков, расшатывают они государственные устои, не с одной — со многих сторон. Тут и измы любых степеней, благо за словоблудие счет представляется не мгновенно, а в довольстве — легко, мило и пикантно заловаться любыми крайними теориями. И подозрительного свойства свободы, даже если это свобода морального разложения. И дарования самостоятельности любым национальным фракциям из состава исторически сложившихся многонациональных государств (Ирландия, Пакистан, вся Африка). И, наоборот, объединение тех, кто в силу различий исторических путей или других причин стабильного организма создать не смогут и всегда будут обречены бурлить и быть готовыми к взрыву (Чехословакия, Югославия).

Забавно сопоставить высказывания в прессе: "В XX веке каждый народ имеет право на самоопределение (имеются в виду... баски)". И одновременно: "В XX веке только большие государства могут конкурировать на мировой арене".

Да еще: поддержка многопартийного равновесия на острие ножа, чтобы властолюбивые вождя во имя перевеса в один голос жертвовали остатками порядочности. И разрыхление любого порядка.

А тоже — вынесение направленных решение на самые разные отвлеченные темы. Дореволюционная русская общественность тоже этим баловалась. Баловалась, пока эта отвлеченность не запылала усадьбами, не ошетилилась штыками и не глянула в лицо дулом револьвера.

Мы, русские, имели печальную привилегию увидеть все это у себя на родине. Нам-то неужели к лицу

Д. РЖАНОВ

О СКВЕРНЕ

Чрезвычайно интересную книгу "Так живут русские" Роберта Кайзера я рекомендую всем интересующимся настоящим нашей многострадальной родины — особенно же тем иностранцам, кто имеет возможность и намерение ее посетить. Рекомендую не только прочесть, но и внимательно изучить. Этим человек сбережет силы и время на познание уймы поражающих мелочей быта, ставящих в тупик человека неподготовленного, так как Кайзер описывает все здоровым, пытливым и добронамеренным умом. За редким исключением ему всегда удалось проникнуть вглубь явлений, и всегда — глубже других своих коллег.

Хочу остановиться на одном. Так же как и его, поразила меня феноменальная грязь советских общественных уборных (особенно впечатляющая в соседстве с действующими электрическими сушилками для рук!) и неприглядность частных уборных, даже в новых квартирах. Попытаюсь выяснить почему и откуда пошло эдакое свинство. В 20-40-х годах мои родители ежегодно снимали комнату в деревне на лето — то под Москвой — в 60-ти км. от столицы, то под Одессой — в 20-ти км., то в Брянских лесах — от какого-то захолустного полустанка в 8-ми часах на подводах, то под Киевом, под Мохначем (полтавской губернии). И вот я вспоминаю, что чуть ли не основным условием выбора (я ходил с ними по избам и хатам) была благоустроенная чистая уборная.

Я их хорошо помню: чаще всего на огороде или за сараем, метров 30-50 от дома строение из досок, внутри — помост с дырой. Дерево помоста ежедневно скоблилось до-бела. Иногда крышка — круглая деревянная с ручкой, с двумя перекладинами; чтобы не провалилась. Детвора, правда, нередко пользовалась кустиками, особенно на хуторах, где простор большой — да, видимо, не только детвора. Но в деревнях, кроме окраин, это исключалось.

Бегая с деревенскими ребятами я видел, что в некоторых *запу-*

привлекать этих *благодетелей* в нашу общественную жизнь? Даже в виде посетителей благотворительных вечеров, трясущих мощной в пользу их же руководством обездоленных наших соотечественников?

Д. ИНОЗЕМОВ

ценных хозяйствах и "удобства" были запущенными, иногда и грязными. Беда в том, что революция уничтожила ухоженный быт и крестьян, и горожан, и интеллигенции, остатки которой, лишившись прислуги, нередко опустились. А на гребень волны революция подняла хрущевых — нахрапистых, наглых выходцев именно из *запущенных* хозяйств. Тех, кто к чистоплотности с детства не привык, но будучи "социально-близким элементом" получили облегченный доступ повсюду. Однако, привычка — вторая натура. И разве-сли они свои свинские привычки по всей России, даже в Кремль занесли...

В фильмах Эйзенштейна смаку-ют жирных тараканов на лицах спящих в страшной грязи убогих крестьян, в то время как в советских же изданиях по архитектуре севера мы любуемся деревянным кружевом резьбы наличников, изящным узором внутреннего убранства крестьянских же изб, планами 200-300 метровых крестьянских домов, богатством их утвари и изобретательством в организованности сельскохозяйственных и домашних работ. Как выглядели уборные в краях дальнего севера — не знаю, но предполагаю, что там, где обычны морозы ниже 20 градусов, было какое-то решение внутри жилого комплекса, раз даже подсобное хозяйство, скотный двор и т.д. были под одной крышей и телегой заезжали даже на второй этаж.

В южных и хуторных хозяйствах встречались (и встречаются) загородки, где солнцу и дождю предоставля-ют санитарную службу, но это не характерно. "Загаживание" же более или менее сознательное, злостное, как фактор мистический, в нашей стране у тех же озлобленных собственным ничтожеством элементов (к счастью, представляющих исключения), отрицать, к сожалению, нельзя. Но тема эта особая и... жуткая. И судить по одержимым обо всем русском народе ни в этой "невывра-симой" области, как и ни в каких других, не следует, дабы в выводах не ошибиться и всерьез "дров не наломать"...

Судя по его книге, Кайзер Россию искренне полюбил и изо всех сил старался понять. Честь ему и слава, что сумел разглядеть ее под золушкиным ее покровом. Дай Бог увидеть ее и сказочной царевной, источающей добро и благодать всему миру.

Д. РЖАНОВ

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

CUI PRODEST?

ПОВЕДЕНИЕ В. НИЛОВА И Н. СТРУВЕ

В. Нилов настойчиво призывает эмигрантов поддерживать Советский Союз против внешних и внутренних врагов. Кому от того будут польза и удовольствие? Ясно: большевикам. Отнюдь же не рядовым гражданам СССР; они нас о том и не просят. Наоборот, когда могут, просят их поддержать в борьбе с большевизмом.

Конек Нилова — запугивание нас Китаем и разжигание в нас национальной ненависти к китайцам. Однако, откуда бы ей взяться? Две великие страны веками жили бок о бок и ссорились мало (вокруг уточнения границ). Значит дело не в народах и их реальных интересах, а в идеологии. Конфликт (если он есть, а не является камуфляжем) идет между китайскими и советскими коммунистами по поводу пунктов марксистской программы, на которые крестьянам, рабочим и трудящимся интеллигентам, равно китайским и российским, мягко выражаясь, начхать. Они-то все (кроме подонков или вовсе глупых) знают, что их враг — их собственное правительство, их собственная компартия. И, про себя и своими словами, рассуждают согласно "Интернационалу":

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце встанет
Сиять красой своих лучей.
А то и думают, в духе куплета, опущенного в русской версии, но наличного во французской, как Эжен Пюстье ее сочинил:

Иls sauront bientôt que nos balles
Sont pour nos propres généraux!
Методы спора нашего коллеги из "Free Word" однообразны и свидетельствуют (если он искренен) о некоторой ограниченности. Все строится на цитатах 30-летней давности из "Нашей Страны". Но в политике надо шевелить мозгами, а не спекулировать авторитетами, и сознавать, что статьи, справедливые в один период, теряют смысл в другой, когда мировая ситуация изменилась. Остается главное, остаются вечные ценности; и тут Нилов нас ничему не научит. Нет сомнения, что И. Л. Солоневич был монархист и легитимист, православный и патриот и, прежде всего, стопроцентный антикоммунист. На сей счет цитаты не надо искусственно выдергивать: и так хватит. Но что-то не похоже, чтобы эти основные положения Нилов разделял...

Притом, почему он перепечатывает высказывания Солоневича и его соратников, преимущественно покойных, теперь? В числе сотрудников живого Ивана Лукьяновича мы его как-то не помним... А вот я, о котором Нилов говорит, что, мол, *такие* люди травил Солоневича, я с ним действительно сотрудничал с основания "Нашей Страны" до его кончины (и хотя мы порою в деталях расходились, но никогда всерьез не бранились).

Когда-то я задал Нилову вопрос, почему, сделавшись советским патриотом, он не едет в СССР? Он вправе бы мне ответить, что оставаясь за рубежом он лучше служит большевизму режиму, чем там; и ничего не возразишь! Что правда, то правда... Если В. Нилов совпатриот, то его действия вполне логичны. Иначе — они совершенно бессмысленны. Он

против всякого иностранного вмешательства; прекрасно! Но коли он надеется на мирную эволюцию большевизма, то ведь это вздор, давно и окончательно опровернутый историей. А коли на внутреннюю революцию, своими силами, то ясно — дай Бог! Никто сильнее нас ее не желает; все наши старания на то и направлены, чтобы ей помочь. Только, к несчастью, дело-то трудное, и покамест не осуществляется.

Если с Ниловым, в общем, все просто (и, пожалуй, не стоит о нем в дальнейшем и говорить), то вот поведение Н. Струве, редактора "Вестника Р. Х. Д." изумляет; и весьма неприятно. Вступив на ложный путь войны против прославления мучеников большевизма (на коем он, и себе, и своему журналу, ничего не принесет, кроме дискредитации и осуждения публикою), он съехал быстро в нудную (и уже, саму-то по себе, куда как старую) междюрисдикционную полемику. Но какие же странные обвинения он предъявляет Синодальной (на его жаргоне, *Карловацкой*) Церкви! Она, де, "связала судьбы Церкви с восстановлением династии Романовых", и тем "внесла неизжитый до сих пор раскол в эмиграции". А мы-то, в простоте души, полагаем, что связь с монархией, симфония с нею, была исходной многовековой позицией российской Церкви, воспринятой ею от Византии еще, а тою — от Рима! И что новшества и раскол породили именно *другие* юрисдикции, не подчиняющиеся Синоду.

Еще нелепее (и глубоко порочны) более хитрые построения Струве. Древняя Церковь, утверждает он, разделяла с мучениками опасность. Бывало и так; но ведь это — момент второстепенный. Позднее все Церкви признавали святость мучеников, проповедовавших в далеких языческих землях; а опасностей с ними высшая иерархия, естественно, не разделяла никак. Следуя рассуждению Струве, чтобы иметь право канонизировать мучеников Зарубежный Синод должен бы сперва целиком вернуться в СССР и отдаться в руки палачам! Опять таки, — какая бы радость большевикам! И какая беда эмиграции, оставшейся бы тогда без духовного окормления! Правда, напрашивается мысль, юрисдикция Экзархата выиграла бы немало, избавившись от могучего конкурента (их соперники были бы затерзаны на Колыме, а часть бы доведена пытками и до отречения); но хочется верить, что и среди духовенства и мирян, приверженных Константинопольскому Патриарху, немного найдется столь бездушных и бесчеловечных фанатиков, чтобы *такого* желать!

Язвительные взаимные напоминания, в среде духовных лиц, ныне принадлежащих к той или иной юрисдикции, что тот или другой не проявил самопожертвования и стойкости в смутные, безумные годы революции, в том, что они ушли в изгнание, а не в могилу, — есть, в сущности, бросать оскорбление всей старой эмиграции (а отчасти и новой и новейшей) и возбуждать в ней бесполезные предрепирательства о том, кто виноват и кто чист от вины. Характерно, что именно подобного сорта надругательства кидали нам, второй волне, в лицо совпатриоты из старой эмиграции и открытые эмиссары большевиков за границей; вы, де,

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

скрывали свои взгляды в СССР, показывали (как они очень любили выражаться!) кукиш в кармане; почему, де, вы не выходили на эстраду и не протестовали громко? То есть, зачем мы, в сталинских условиях, не совершали самоубийства и не облегчали большевикам дело истребления всех их врагов (оказавшихся им потом крайне опасными!). Нет, г-н Струве: всякая борьба с тиранией ведется в подполье или политической эмиграцией; да и древняя Церковь, к которой Вы апеллируете, была *катакомбной* (а случалось, и беженской).

Поносить эмиграцию, мирскую и и духовную, за недостаток мужества, — недостойно и несправедливо: многие из нее, когда было надо, смело рисковали собой. Да и с нами сейчас (всем известно) люди *там*, страдающие за свои убеждения; мы имеем право (и даже долг!) говорить за них. Эмиграция затем и нужна, тем и ценна, что воплощает в себе свободный голос России: не надо ей затыкать рот! А верите ли Вы сами, в душе, что освобожденная родина нас дезавуирует и отречется от мучеников, погибших за нее?! Но даже и будь такое, если мыслимо, попушечением Божиим, затмение в злой миг национального сознания, все равно наш голос останется голосом правды и выразителем совести *подлинной* России! Чего нам *надо* страшиться, это — чтобы нам воспрянувшая отчизна не сказала: "Мы молчали по принуждению; почему молчали вы?"

Зачем, Никита Алексеевич, пытаетесь Вы вызвать никчемную ди-

скуссии о разнице между святыми, умирающими за веру, и героями, умирающими за веру, царя и отечество (каким, безусловно, был Гумилев, какими были Ослябя с Пересветом, Багратион и Колчак)? Мы почитаем память тех и других, но по-разному; точно же мерою праведности ведает лишь Господь, в обители Которого покоев много.

И все ссылаются Вы на Солженицына. Нельзя, разумеется, ставить канонизацию жертв большевизма в зависимость от неопубликованного еще в целом романа, каким бы замечательным он ни был! Но и то: чем дальше он подвигается, чем дальше из него появляются (в Вашем же журнале, между прочим!) главы, тем более чарующими и благородными встают из них образы наших последних Царя и Царицы, еще далеких от преображения страдания, какое ждало их в конце жизни... Зря Вы стараетесь приобщить большой талант к мелким честолюбивым и властолюбивым интригам, не духовного, а только лишь клерикального свойства!

Нет, таланту свойственно говорить правду, хотя бы и вполголоса, сквозь магический кристалл; и не прозрением ли неуютной Вам канонизации звучат слова Цветаевой:

Это Царь с небесного престола
Орденами наделяет верных?

Да и у далекого от святости Г. Иванова, не овеяны ли сиянием неземного света Царь и:

Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны?

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Е. КАРМАЗИН

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Добро бы еще "Русская Мысль" вообще не касалась до израильских дел. Да ведь касается усердно, да еще и лакирует вовсю. Недавно я уже писал об этом в "Нашей Стране" (от 2.10.81). Вот еще один свежий пример на ту же тему. В указанной статье я писал, что о производстве военной электронной аппаратуры в Израиле "Русская Мысль" не приводит никаких данных, кроме аполитологии, так что, вероятно, производство организовано по американским чертежам. Но оказывается, дело еще проще. Как сообщает израильская "Наша страна" от 31.12.81 г., "значительная часть изделий нашей электронной промышленности использует микродетали типа "минипроцессор", импортируемые из Америки". А ведь "Русская Мысль" торжественно хвастала, что "Израиль продает всем армиям НАТО, в том числе и США, электронную аппаратуру". Да, продает... американскую!

Е. КАРМАЗИН

А. МАКРИДИ

МОЯ ЖИЗНЬ

Анатолий Григорьевич Макриди родился в Москве 8-го мая 1902 года во время первого весеннего грома. Связь этих двух явлений наукой не выяснена, но новорожденный всю жизнь любил грозу.

Родители — пианисты, окончившие Московскую консерваторию, директор которой — В. И. Сафонов — был крестным отцом новорожденного и едучи с крестин, спохватился: "Его нужно было назвать Антоном!" (Антон Григорьевич Рубинштейн). По этой ли оплошности, по какой другой, новорожденный знаменитостью не стал.

Григорий Ставрович Макриди — "купецкий сын", как сказано в брачном свидетельстве, считался выдающимся пианистом. Агда Ивановна, урожденная Стенрос, финляндская гражданка до замужества, тоже окончила консерваторию с отличием; оба получили звание свободного художника и фамилия Макриди до сих пор осталась на мраморных досках Московской консерватории среди лауреатов.

Их единственный сын Анатолий два года учился в гимназии. Ему было двенадцать лет, когда грянула Первая мировая война; он отчетливо почувствовал, что без его участия она выиграна быть не может (что и подтвердилось) и бежал на фронт, спрятавшись под солдатские нары, откуда полузамерзшим за ногу был вытасканы на шестидесятой версте от Москвы и сдан станционному жандармскому офицеру.

Последний никак не мог добиться с кем имеет дело, потому что беззаветный патриот решил умереть, но не открыть себя, пока не попадет на передовые позиции. Отчаявшись обычным путем установить личность беглого гимназиста, жандарм задумчиво поглядел в потолок и сказал: "Ну что ж, не хочешь сказать, оставайся у меня; на прошлой неделе подождь мой осел, будешь вместо него воду таскать..."

Такой поворот дела оказался совершенно неожиданным, к тому же у офицера были слишком длинные и нестерпимо черные усы. Ничто не оставало надежды на благополучный исход разговора и неудавшийся доброволец Первой мировой войны,

запечатленный в рассыльной книге, полотняной, с длинным обматывающим ее шнурком, был поручен попечению жандармского солдата, который и доставил беглеца домой, где сдал его под расписку и получил целковый на водку.

Патриота напоили чаем с малиной и уложили спать. Засыпая, он малодушно признал преимущества тыловой жизни перед фронтовой, не сullyвшей, повидимому, ничего лучше того, что успелось пережить под нарами на полу солдатской теплушки (почему "теплушки"? за двенадцать лет ни разу не пришлось пережить такого холода, как в этой окаянной "теплушке"!)). Меня почему-то не наказали, но в воздаяние воинственности, взяли из гимназии и устроили в кадетский корпус. Как правило, обучение в корпусах было бесплатным, но это правило распространялось только на детей офицеров. Я же считался "своекоштным" и стоил отцу более пятисот рублей в год. Царских, золотых! Огромные деньги!

Мать была младшей дочерью капитана дальнего плавания Йона Стенрос, женившегося на Аманде Каролине урожденной Оберг. В семье говорили по-шведски, но это не помешало матери полностью овладеть русским языком до замужества, а после него, овладение не помешало, причисляясь у зеркала, спросить отца: — "Это затылок, тут шея, а где же подзатыльник?"

Кроме двух сестер, у матери был брат Ламберт (это имя "Нашей Стране" знакомо). Он работал у Нобеля начальником гурьевских нефтяных приисков, когда произошел переворот, и возглавил на севере Каспия борьбу против большевиков. Он погиб в калмыцких степях, оставив после себя русскую жену и маленькую дочку. Им удалось скрыться и они уцелели.

Дядя и мать родились в Баку, куда по приглашению Нобеля переехала из Финляндии вся семья. Сам Нобель только наезжал в Баку, а жил в Швеции. Огромным его предприятием управлял швед Хаггелин, проявившийся позже в Швеции, как ревностный русский патриот. Многих белых русских он спас, многим по-

могал из своих средств, помогал связями и юридически в обстановке неудержимо возрастающего общественного просоветизма. После смерти этого замечательного человека, памяти его была посвящена полная страница в "Нашей Стране". Хаггелин был непосредственным начальником моего дяди, а после его смерти, и моего дяди.

Заболев водянкой, дед с семьей вернулся в Финляндию, но четыре года, пока не умер, получал от фирмы полное жалование, включая дополнительно месячный оклад, выдававшийся ежегодно всем служащим в качестве рождественского подарка. Вдове назначили солидную пенсию, а дядя кроме того на нобелевскую стипендию окончил Петербургский политехнический Институт. Да послужат эти подробности иллюстрацией советским реляциям об эксплуататорской жестокости капиталиста Нобеля.

Абсолютный слух матери проявился в раннем детстве и сразу нашел деловое применение у бакинских промышленников: каждый день в дом Стенросов прибегали разные люди и спрашивали у матери какой пароход гудит за горизонтом. Некоторые гудки различались только четвертью тона, но мать никогда не ошибалась и прослыла у простых людей колдуньей. Колдунье было четыре года. Слух передался по материнской линии, а дед был на ухо туг и в музыкальном развитии дальше "янки дудль" не пошел. Нрава он был крутого, а бабушка воплощала собой ангельскую доброту. Шведы, они тоже разные...

В кадетском корпусе, во-первых, новые товарищи оказались превосходными гимнастами, знакомыми со всеми видами легкой атлетики, тогда как я в гимназии час в неделю только приседал и руками разводил, а потому на гимнастических снарядах почувствовал себя, как "собака на заборе". Во-вторых, вытекающих из первого, кадеты оказались гораздо крепче гимназистов и драться с ними было одно горе. Обиднее же всего было то, что я считался "шпаком", а они, то есть штатские, считались самыми презренными тварями на Земле.

Вот в каких сложных обстоятельствах началась моя военная карьера! Примириться с такими обстоятельствами я, конечно, не мог и приложил все усилия к преодолению препятствий, мешавших встать в один ряд с "пистолетами". Это было не просто, пришлось пройти через чистилище разочарований и унижения, но когда я научился прыгать через кобылу, делать скленку на параллельных брусьях и подтягиваться на руках по наклонной лестнице до потолка; когда удалось вдобавок защитить честь нашего отделения и поколотить "форсилу" другого, я окончательно утвердился в равноправии и попал, наконец, в футбольную команду. Там, положим, я надежд не оправдал, зато отличился в пении.

Кадетские песни делились на три категории: приличные, не совсем приличные и совсем неприличные. В песнях я почерпнул много утешительного, узнал, например, что "вино и женщины, и карты, все для кадета создано". Несмотря на то, что вина еще не давали, женщины фамиллярно трепали по щеке, а карт ни у кого не было, вне воспитательской досягаемости, я эту песню исполнял с чувством, бблшим даже, чем "Песнь о вещем Олеге".

Учился, мягко говоря, паршиво. И вспоминая об этом, всегда сожалел о преждевременной отмене телесных наказаний. Первые две четверти безобразничал. Например, на

уроке истории заявил однажды, что паровоз изобрели китайцы. Для чего это было нужно, неизвестно. Получил единицу по двенадцатибалльной системе; не за ошибку, а за нахальство. Еле вымолил прощенье. Последнее две четверти подтягивался и попадал в пятерку лучших. Средний балл получался по всем предметам достаточно удовлетворительным для перехода в следующий класс без переэкзаменовок, а ббльшего мне и не надо было. Но однажды я все-таки попался! При переходе из четвертого класса в пятый получил переэкзаменовку, стыдно вспомнить, по Закону Божию. Батюшка был, как батюшка — добрый. И этакий позор, первый и единственный в истории корпуса! Значит, допек...

И все-таки мне не удалось переиграть моего предтечу, знаменитого дрессировщика, великолепного гимнаста и азартнейшего спорщика, Анатолия Дурова. По рассказам, на пари он всегда готов был совершить подвиг или преступление с одинаковым рвением. Его товарищи этим постоянно и везде злоупотребляли, из-за чего Дуров, до нашего корпуса, побывал уже в трех, а перевод из одного корпуса в другой считался строжайшим наказанием. Наш для него оказался последним; за то, что на пари он вышел отвечать Катехизис на руках его посадили в карцер на неделю и на Пасху оставили без отпуска. Но когда он тоже, конечно, на пари, перепрыгнул через директора, то из карцера, где отсидел максимальный срок, он вышел в штатском, без права поступления в военноучебные заведения. В корпусном музее хранились его труды по дрессировке блох. Дуровскую славу развил и продолжил младший брат Анатолия — Владимир Дуров, ставший не менее знаменитым.

Однажды по корпусу пронеслась волнующая весть: ожидается Государь! Вспыхнувшая суэта граничила с паникой. Классных занятий как не бывало; по ротам отшлифовывалась четкость построений и перестроений, совсем не понадобившихся. К часу все три роты были сведены в Тронный зал, где выстроились буквой П. А еще через полчаса зевосподобный наш директор генерал-лейтенант Римский-Корсаков подал команду "смирно" и подошел с рапортом к Всероссийскому Императору Николаю Александровичу.

Государь медленно обошел фронт, заглянув в лицо каждому. Таких грустных и красивых глаз я еще не встречал...

У младшего класса нашей 2-ой роты Государь неожиданно остановился и обратился к одному из третьеклассников:

— Вот ты где! Как ведешь себя, хорошо или не очень?

Кадет, без малейшего смущения, вышел на два шага из строя и ответил искусственным дипломатом на заvistь:

— Так точно, ваше величество!

— Не забудь захватить отметки.

— Слушаюсь, ваше величество!

— Привет передать?

— Покорнейше прошу, ваше величество!

Слушая этот разговор, мы диву давались: кадетик был сыном заурядного армейского офицера, пехотный полк которого квартировал, кажется, в Тамбове. Фамилию я забыл, а жаль.

После отбытия высокого гостя, мальчишку заторможили; откуда у него знакомство с царем, да еще такое короткое?! Директор вызвал к себе на квартиру. Вот что рассказал мальчуган, расстроенный и перепуганный так, будто попался в проступке.

УМНО, ТОНКО

Он владел словом как никто.

Нестерпимо больно осознать, что страницам "Нашей Страны" уже ввек не украсится ни передовицами Ламберта, ни фельетонами Собакина. И что навсегда прервался лихой полет Филтина, часто испукавшего органический недостаток газеты: ее тесноту... И в нескольких словах умевшего характеризовать наступившее время, или происшедшее событие.

Однако, к нашему — куцему и кратковременному, но все же некоему утешению Анатолий Григорьевич Макриди оставил наследство: доселе неопубликованные работы.

К ним, в первую очередь, принадлежит начало авторииографии: прерванной, необработанной и вместе с тем ослепительно сверкающей характерными для покойного сотрудника "Нашей Страны" упругостью, мощью... и улыбкой. Макриди был великолепным, необыкновенным юмористом. И не — "с английского", или "с французского". От него веяло истинным русским юмором.

Автобиография представляет огромный интерес, как свидетельство. Сегодняшнему читателю она разъяснит типические черты Царской России, поможет точно ощутить правду о ней, о революции, о начале Белой борьбы. С ее страниц Анатолий Григорьевич нам представляется как лишенный неприятного энтузиазма, спокойный, мудрый скептик, умно и тонко улыбающийся себе в усы.

РЕДАКЦИЯ

ВАСИЛИЙ ЯКИМОВ

МАКРИДИ

Четвертого февраля 1982 года в своем доме от рака желудка скончался Анатолий Григорьевич Макриди.

"По многим признакам апокалиптические времена наступили, но не везде сразу, а поэтому не все их и замечают". Так писал покойный в статье "Мир меняет кожу" ("Наша Страна" от 20-го октября 1978 года), Можно было бы добавить, что не все их *желают* заметить, так как суета мира сего всецело овладела человечеством.

Признаюсь, что Анатолия Григорьевича знал только с 1980 года — и все же впечатление, которое он на меня произвел, не изгладится во всю мою жизнь.

Он был талантливым человеком, умел говорить с заслуженным авторитетом, знал очень много и слушать его можно было всю ночь напролет. Однако, лучше всего я познал его по печатному слову: он был энергичным сотрудником "Нашей Страны" и в статьях показал себя преданнейшим сыном Святой Руси. Несмотря на свое шотландское происхождение, Макриди был русским до мозга костей и до последнего вздоха.

Если проанализировать все, что он написал, то поражает насколько глубоко он знал и любил историческую Россию и как он умело служил ее православно-национальным идеалам. Он также умел смотреть на мир и видеть в нем ту гнилость, которая, как зараза, все укрепляется; анализируя современное человечество Анатолий Григорьевич предупреждал человека о том, что говорил Ф. М. Достоевский, а сейчас упорно и убедительно повторяет А. И. Солженицын, а именно, что ответы на современные кризисы можно найти в идеалах Святой Руси. Не все замечают

эти ответы, да и не все заметили такого доброго, такого мудрого человека, как Макриди.

Сам пройдя суровую жизненную школу, Анатолий Григорьевич всегда был чуток к нужде других. Однако, одновременно был строг и, если своим пронзительным глазом видел в предполагаемом деле малую общественную пользу, то прямо об этом говорил.

Два раза исповедовавшись и благословив свою семью, ушел из мира человек большого созидательного дарования, который всю жизнь трудился над отпущенными Богом ему талантами, приумножая их и делая с другими.

Отпевал Анатолия Григорьевича сербский епископ 8-го февраля в монастыре Св. Саввы, в присутствии семьи покойного и его друзей. Чувствовалось на отпевании, что именно пришли проводить верного сына Святой Руси. Похоронен он на канберрском кладбище. Покойный оставил после себя жену Татьяну Николаевну и трех замужних дочерей с детьми.

Страдает русский народ в России, страдает он и в изгнании, страдает за Русь Святую. Таким страдальцем за Россию и был покойный Анатолий Григорьевич. Примером был нам всем, молодым: как нужно любить Россию-мать. Господь только тогда возлюбит нас, явит нам милость Свою, освободит нашу родину от одолевшего ее страшного врага, когда мы станем любить ее не только на словах, но и делом и истиною, как любил ее А. Г. Макриди.

Да упокоит Господь душу раба Своего воина Анатолия в селении праведных!

ВАСИЛИЙ ЯКИМОВ

Поступила в продажу новая брошюра

игумена ГЕННАДИЯ (Эйкаловича)

"БЕСЕДА ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ"

Цена — 4 доллара. Заказы направлять:

Mr. George Benigni, P. O. Box 78, Carmel Valley, Cal. 93924, U.S.A.

Там же заказывать: "Дело о. Сергия Булгакова". Цена 5 долларов. Для книжных магазинов — обычная скидка.

Года за два перед войной он проводил лето с матерью в Крыму. В Ливадии они заблудились и неисповедимыми путями забрели в расположение дворца. В поисках выхода столкнулись в парке с Наследником и неотлучно сопровождавшим его огромным матросом. Увидев ровесника с погонами, Наследник пришел в восторг и засыпал его вопросами, а потом стал настойчиво приглашать во дворец. Напрасно мать кадета старалась урезонить молодого хозяина. Он ее и не слушал. Появилась фрейлина. Узнав в чем дело, она ненадолго отлучилась и вернувшись, попросила отпустить сына, заверив, что в назначенное место и час он будет возвращен целым и невредимым.

Мальчики сразу сдружились. На следующий день, когда они раскладывали железную дорогу, вошла императрица. Кадет вскопчил и стал во фронт, а его товарищ довольно равнодушно заметил:

— Чего ты испугался? Это мама. — И представил ей нового знакомого.

Вскоре пришел познакомиться и папа. Он спросил, между прочим:

— Нравится тебе наш дворец?
— Так точно, очень нравится!
Только наш не хуже.

Выяснилось, что Государь никогда не слышал, что наш корпус помещался в Лефортовском дворце императрицы Елисаветы Петровны и сказал:

— Надо будет, как-нибудь, к тебе в гости заглянуть.

Кстати, по преданию, императрица Елисавета в построенном для нее дворце не жила.

Зимой мальчики переписывались, а летом встречались в Крыму.

— Почему ж ты до сих пор все это скрывал?!

— Так папа велел.

Следует отдать должное мудрости и такту простого армейского офицера...

Как-то царский приятель сказал:

— Вы думаете, мне дешево стоит такая дружба? Мне и в городки поиграть некогда, все зубрить приходится; царь, прежде всего, отметками интересуется! Вам хорошо... Что тут скажешь?

(Продолжение в следующем номере)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ХРОНИКА

ЗА ГЕНОЦИД РУССКИХ

Нам пишут из Вашингтона:

В статье, опубликованной в газете "Вашингтон Пост" от 14 января, бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов при президентах Кеннеди и Джонсоне, генерал Максвелл Гэйлор, высказал мнение, что в случае войны с Советским Союзом должны быть приложены усилия для нанесения основного удара по районам с "этнически русским" населением. Объектами удара "средств массового истребления" должны быть, "по мере возможности, районы с преимущественно русским этническим населением, с тем, чтобы ограничить ущерб, который может быть нанесен нерусским республикам".

Этот призыв к открытому геноциду по национальному признаку генерал Гэйлор пытается оправдать следующими аргументами: "таким образом можно будет убедить советских лидеров в полном безумии нанесения удара первыми". Все, что останется после предусматриваемой генералом операции, станет добычей "враждебных соседей, метательных сателлитов и нерусских элементов населения".

Далее Гэйлор признается: "На это возможное использование этнического фактора в качестве обескураживающего момента мое внимание было обращено профессором Гари Л. Гертнером в недавно опубликованной в журнале "Политикал Сайенс Куортерли" статье под названием "Стратегическая уязвимость многонационального государства. Сдерживание Советского Союза".

РИЧАРД ПАЙПС

Нам пишут из Вашингтона:

Польскому еврею Ричарду Пайпсу, русофобу и горе-историку, назначенному Рейганом на пост главного специалиста по советским делам в Совете Национальной Безопасности, до недавнего времени было запрещено делиться своими взглядами с представителями прессы. Однако, после произошедшей в этом учреждении чистки, новый его глава Вильям Клэрк не только попросил Пайпса остаться на прежней должности, но и разрешил местечковому советологу давать интервью журналистам.

РАДИОПЕРЕДАЧИ В РОССИЮ

Нам пишут из Женевы:

Братство "Православное Дело" положило начало собственным церковно-религиозным радиопередачам в Россию. Им подписан контракт на 15-минутные передачи еженедельно,

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И СМЕХ И ГРЕХ...

Кончилась война. Куда пристроить людей, которые ничего не умеют! Только в научно-исследовательский институт. Пристроили. Знаменитого советского полководца Чапая — заведующим лабораторией. А его ординарца Петьку — ассистентом. Сидят, спирт пьют... Проходит полгода, приходит научный руководитель, требует отчет писать.

— Ну хоть какие-нибудь опыты проведите.

— Хорошо, — отвечает Чапаяв, — а с кем?

— Ну хоть с блохой...

— Петька! Блоху!

— Достает Петька блоху.

— Так, Петька, записывай!

— Поставил блоху на стол.

— Бежи! Ага, побежала! Записывай: "о шести ногах бежит..." Так, Петька, оборви-ка ей две ноги! Бежит! Запиши: "и об четырех ногах бежит!". Петька, оборви еще две! Петька оборвал. Кое-как поползла блоха.

— Петька, запиши "об двух ногах ходит". Ну, а теперь — оборви еще одну... Бежи! Бежи! Ну-ка, вместе давай крикнем.

— Бежи!

— Блоха ни с места.

— Петька, запиши: "Об одной ноге плохо слышит!"

в субботу в 21 час по московскому времени.

На первое время для оплаты передач "Православное Дело" собрало средства, но их будущее зависит от поступления пожертвований.

В связи с этим председатель организации архиепископ Антоний Женеvский обратился к российской эмиграции с вопросом: "Понимаем ли мы важность и необходимость радиопередач, трогает ли нас духовная жажда наших братьев на родине и хотим ли мы, хотя бы одной каплей облегчить ее?"

МИФИЧЕСКОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ

Нам пишут из Женевы:

Известный архиепископ-традиционалист Марсель Лефевр опубликовал 4-го января 1982 года заявление, осуждающее ватиканскую "ост-политик" и призывающее освободить Ватикан от "оккупировавших его модернистов, ложных пастырей и наемников".

В том же документе Лефевр обличает совершенно мифическое "порабощение московской православной Церковью миллионов католических украинцев".

НОВАЯ ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ" В АРГЕНТИНЕ

С № 1664-го (от 19.3.1982) цена отдельного номера газеты

будет равняться

6000 пэсо.